

Детство в марийском селе, учеба в Пензенском художественном училище и интерес к христианскому искусству

<https://oralhistory.ru/talks/orh-2468>

18 февраля 2022

Собеседник

Комелин Анатолий Федорович

Ведущий

Ягубский Андрей Эдуардович

Дата записи

Беседа записана 18 февраля 2022 и опубликована 17 ноября 2022.

Введение

Скульптор Анатолий Комелин вспоминает детство в марийском селе Мари-Билямор, общение с глухонемым отцом и дружбу с детьми из детского дома, в котором работала его мама. Заметив интерес сына к рисованию, мама Анатолия Комелина отправила его учиться в Барнаул. После окончания школы и изостудии в Барнауле Комелин поступил в Пензенское художественное училище и отслужил в армии. Он описывает учебу на скульптурном отделении, веселую студенческую жизнь в Пензе и работу в художественной школе в Барнауле. Довольно скоро скульптор осознал, что педагог из него не получится, и переехал в Москву. Анатолий Федорович рассказывает о своих мастерских, переломных моментах в творчестве, интересе к христианскому искусству и рассуждает о специфике скульптуры.

О предках и родителях

Анатолий Федорович Комелин (далее А. К.): Здравствуйте, меня зовут Анатолий Комелин. Я скульптор. Живу в Москве с 81-го года. Биография моя началась — село Мари-Биямор, это сейчас республика Марий Эл, тогда была Марийская АССР. То есть это такой медвежий угол, как говорили.

Из своих предков я смутно помню дедушку. Он умер, когда мне было года четыре или три. Бабушку — чуть более подробно. Все, что я о них знаю, — со слов родителей. Дедушка был кузнецом, воевал в Первую империалистическую, был в плену четыре года. Я считаю, что это первый из нашей семьи человек, который был за границей. Он был в Италии, в Австрии, в Германии. После окончания войны вернулся пешком. Оттуда они вернулись, пленные. В плену он тоже работал по своей профессии: был кузнецом, делал какие-то хитроумные вещи, что пленные могли бежать. Сам не бежал.

Андрей Эдуардович Ягубский (далее А. Я.): А какие-то рассказы про заграничную жизнь рассказывал?

А. К.: Нет, помню только, что хозяин то ли в Германии их вообще со слезами упрашивал остаться, так они нравились ему, русские пленные. Вот дедушка.

А. Я.: А еще более древних предков?

А. К.: Вот я не знаю, действительно не знаю. А по линии отца я совсем плохо... Отец мой был глухонемой, поэтому он мне только рассказывал про родителей очень кратко. Я даже не знаю, кем они были, то есть вот на селе, и как-то рано умерли. В общем, я всю информацию в детстве получал в основном от отца, глухонемого. Мама была все время занята на работе. Она работала воспитателем в детском доме. В общем-то, я там и вырос, в детском доме с ней, с этими детьми и со своими сверстниками в школе, с ребятами деревенскими. Значит, это так называемая луговая часть республики Марий Эл. Есть еще горная — горные марийцы. Луговые марийцы. Я среди луговых марийцев вырос.

Воспоминания детства

Ну, воспоминания детства — прошло уже больше пятидесяти лет, как я оттуда уехал. Я живу этими воспоминаниями, но возвращаться туда почему-то мне не хочется, терять вот эту картинку моего детства, потому что в интернете я вижу немножко другую, по-другому свою деревню. Сейчас с яркими крышами металлическими, тогда все крыши были деревянные. Все было настоящее. Серое, зеленое, голубое все было.

Очень я увлекался рыбалкой, наверное, лет с трех. Поймал вначале трех пескарей. Лески не было, была черная нитка, поплавок из коры хвойного дерева. По прошествии многих лет сейчас я категорически не хожу на рыбалку. Мне стало жалко рыбу, и я все время мучаюсь, что я столько рыбы выловил. Вот по-настоящему жалко стало рыбу.

Речка там у нас называлась, она и сейчас течет, речка Уржумка. Когда-то она была полноводная, как мне отец объяснял, даже лес сплавляли, но потом, поскольку леса вырубались, она обмелела. На этой речке, в тридцати километрах ниже нас по течению находится город Уржум, родина Кирова Сергея Мироновича. Есть такая книга «Мальчик из Уржума», ее написала такая Антонина Голубева, наверное, после его гибели в 30-х годах. Люди моего поколения все читали эту книгу «Мальчик из Уржума», а мне даже довелось... Вот я сейчас вспоминаю, как мы в девятом классе пошли в качестве турпохода в этот город Уржум, в дом-музей Кирова. Там нам смотрительницы подсказали: «Ребята, вот вам адрес, тут недалеко, сходите, там гораздо интереснее». Мы пришли по этому адресу, там жил его друг детства, Кирова Сергея Мироновича, Александр¹, фамилию не помню. В книге это есть, «Мальчик из Уржума». Такой уже древний старичок. И мы стали задавать ему вопросы. Ну, было очень смешно, потому что он все заслуги Кирова на себя уже переписал (*смеется*).

А. Я.: Уржум — Киров, да, сейчас?

А. К.: Нет, Уржум остался Уржумом. Город Киров — это бывшая Вятка, так она и осталась. До Кирова от нашей деревни где-то километров двести, а Уржум в тридцати пяти километрах.

А. Я.: А, теперь понятно, где деревня.

А. К.: Да. А рядом с нами, это сейчас уже республика Марий Эл, поселок Сёрнур — это родина поэта Заболоцкого. Он там родился, поскольку его отец был агрономом, а жил отец в Уржуме, но по работе он как раз работал в Сернуре. Вот все, что я, так сказать, помню. Нет, детство помню прекрасно.

¹ Речь идет об Александре Матвеевиче Самарцеве.

Общение с глухонемым отцом

А. Я.: А как вы с отцом общались?

А. К.: Отец глухонемой. Он выучил, поскольку он был в городе Свердловске, в Камышлове, в профтехучилище. Он столяр по образованию, был невероятно педантичный человек, чистюля, аккуратист. Поскольку их обучали говорить с помощью специальной методики для глухонемых, и поскольку он жил всегда среди нормальных, слышащих людей, он научился говорить. Незнакомый человек через пару дней мог его уже понимать. То есть он мог говорить словами, но только все в именительном падеже. Словарный запас был небольшой, но он был очень общительный, веселый человек. Он больше меня любил поговорить. Какое-то мироустройство у от него получал, что Земля круглая вокруг Солнца летает. Вот я от него узнал, что Пушкин погиб на дуэли, это я еще был совсем маленький. Ну и вот такой ликбез от него был в основном. Мама была занята с детьми с утра до вечера, с детдомовскими. Поэтому с отцом у меня как-то больше было разговора. И с глухонемым очень удобно разговаривать на расстоянии: можно знаками объяснить, куда пошел, там что-то... И со временем он меня обучил азбуке глухонемых на руке. Я эту азбуку до сих пор помню, но язык глухонемых мне недоступен. У них

он более уже адаптированный к ним, они понимают это все. Я могу, допустим, сказать какое-то слово, предложение на руках.

Детский дом

А. Я.: Вы говорите, что в детдоме много времени проводили. А вы можете его описать, детдом, и вообще жизнь какую-то, какая была в советском детдоме? Интересно.

А. К.: Детдом, да. Детский дом — это было имение. По-моему, человек по имени Казанкин... Это есть в интернете. Это двухэтажное кирпичное строение, обнесенное еще и таким, не то что забором... Это было имение зажиточного человека до революции, потом сделали детский дом.

А. Я.: То есть это усадьба, да, такая?

А. К.: Да, да, усадьба.

А. Я.: С колоннами...

А. К.: Нет, колонн не было. Сейчас вот я в интернете вижу...

А. Я.: Каменная она была?

А. К.: Каменная, кирпичная. Вижу: это уже разрушенное здание, которое никак не функционирует. Там были еще два таких больших здания двухэтажных — это школа, где я учился. Кому принадлежало, не знаю. Вот, по-моему, этот Казанкин упоминается. Поскольку это село было, это не деревня, там была церковь снесенная, разрушенная. Из нее потом сделали станцию машинно-тракторную, МТС называлась, из этого кирпича, и на этом месте стоял клуб бревенчатый. При мне он один раз горел, но не сгорел, потушили. Потом, когда я уехал уже из своего села, он все-таки сгорел, этот клуб. Сейчас на этом месте снова строят деревянный храм, еще не достроили в данный момент. Вот.

А. Я.: А дети, которые были в детдоме, они бодрые были? Как они вообще там, какая жизнь?

А. К.: Дети были разные. Ну, единственное, что они были моего возраста. Это были послевоенные дети, это не дети войны, это начала 50-х годов рождения. Почему они были без родителей, беспризорники как бы? Я помню даже имена — Вася Сушенцов и Генка Лебедев, вот два моих друга закадычных.

Поскольку мама там работала, она была человек творческий. Она вышивала, пела у них в хоре. Она создала кукольный театр, сама лепила кукол из папье-маше, я что-то помогал. Я был у нее главным актером в этом кукольном театре. Потом еще драмкружок она организовала, и опять же я там был в образе Зайки-зазнайки. Как сейчас я помню, мы должны были там есть капусту, но на репетициях мы ее не ели, а когда начался спектакль, то поставили целую тарелку нашинкованной капусты. Я понимал, что можно только сделать вид, что я ее ем как заяц, а мой, как это назвать, участник спектакля, забыл его имя... Он накинусь на эту капусту и пока не доел всю тарелку... Даже директор детдома встал в зале, потому что все стали подсказывать ему текст, мама моя шептала, как суфлер, ему из-за занавески, что он должен говорить, — он не мог остановиться, ел и ел. Потом встал директор в зале и сказал: «Пусть он доест, а потом будет говорить». Все-таки немножко голодное было... Всегда дети были голодные.

А. Я.: Ну, вообще весело было, да? В детдоме такая комфортная атмосфера, да?

А. К.: Ну я и там, и там был, и среди своих сверстников. Там мы играли в футбол, в волейбол, когда я уже был подростком, все игры, в лапту, в городки. В общем, всё перепробовали. И спортзал был, и гимнастикой занимались, и на велосипеде ездили. Когда я переехал впоследствии в город Барнаул, в десятый класс, меня брали даже из других школ в качестве спортсмена. Под другими фамилиями я выступал, играл за волейбольные команды других даже школ, и бегал, и прыгал. В общем, был очень такой спортивный в отличие от городских мальчишек.

О марийских деревнях

А. Я.: А деревня была как русская деревня обычная, срубы такие?

А. К.: Да, да, деревня была в основном все, там деревня делилась как бы на центр, там были русские, русское население, а окраина деревни — там в основном марийцы жили. Марийцы старики по-русски плохо говорили и страдали трахомой — это болезнь глаз. А молодежь уже не болела трахомой, это вот каким-то лекарством они... То есть была такая болезнь неприятная, глаза слезились. Вот. Были марийские классы и русские классы, но у нас класс был смешанный. Там и ребята марийцы говорили хорошо по-русски, и очень много татар, то есть население было русские, марийцы, татары. И деревни назывались, допустим, Тат-Китня — это значит татарская деревня, Мари-Китня — марийская деревня, Мари-Турек и Русский Турек, такое вот словосочетание. А в пятнадцати километрах от нашего села — село Лопьял, родина художников Васнецовых. Вот все, так сказать, знаковые места.

А. Я.: А быт марийских семей и русских, он отличался чем-то? Какая-то скотина, там? Держали же скотину? У вас были животные?

А. К.: Нет, нет, отец — столяр, мама... У нас даже не было своего дома, мы жили все время... То есть дом бабушки с бабушкой — там жили его младшие, младший сын, дядя Саша, а мы снимали у кого-то. Потом отец работал в промкомбинате. Сейчас это поселок Лесной называется, там был большой комбинат, столярные цеха, где делалась мебель: табуретки, шкафы. Это полтора километра от нашей деревни. Он ходил пешком, летом ездил на велосипеде, и мы какое-то время жили там. Это был барак дощатый, засыпной. Опилки много было от производства, доски, засыпной барак, стены, и зимой это все промерзало, иней на... В общем, вот такая была жизнь. Доски даже необрезные, по-моему, стены были сделаны

из необрезных досок, как-то сколочено это все так вот. Отапливалось, даже не помню... Конечно, печки были, печное отопление. Все время мы с отцом пилили дрова, он колот это все, в общем...

А. Я.: А вокруг там лес?

А. К.: Да, вокруг речка Уржумка, лес, поля. В пяти километрах уже Кировская область была, то есть это граница Кировской области. А в лесу грибы, естественно. То есть и на лыжах я всегда в лес. В общем, детство было живое, здоровое.

Переезд в Барнаул и учеба в изостудии

А. Я.: Понятно. А как вы в Барнауле оказались в итоге? И почему Барнаул?

А. К.: Значит, история такова, как я оказался в Барнауле. Вот мой дядя — это младший брат моей мамы. Он был большой мастер на все руки — и водителем, и сантехником, и плотником мог работать. Но ему все время хотелось какой-то лучшей жизни, видимо. Он собрал всю семью, они переехали на Урал, там пожил, не знаю, совсем немного. Кочевал по стране, пока он не остановился в городе Барнауле. Там он работал на военном заводе сантехником, поскольку город Барнаул... А я уже начинал, я же любил рисовать и как-то перешел на лепку, пластилин у меня был. А мама моя меня в этом поддерживала, решила, что...

А. Я.: Это еще в деревне?

А. К.: В деревне, да. Она решила, что я должен стать художником, и меня отправила к своему брату младшему в Барнаул, потому что там была изостудия. Можно было получить какое-то начальное художественное образование, чтобы поступить уже в учебное заведение. Так оно и получилось. Я десятый класс закончил в Барнауле. Я ездил через весь город в изостудию, позанимался и через год после окончания школы поступил в Пензенское...

А. Я.: Ну а Барнаул как выглядел вообще?

А. К.: Город Барнаул промышленный...

А. Я.: Как он, вообще произвел впечатление, что из деревни вы приехали в Барнаул?

А. К.: Естественно.

А. Я.: Совсем другой мир.

А. К.: Город, да, город другой. Ну, у нас столица была Йошкар-Ола, Казань недалеко, то есть я в городе был не первый раз уже: троллейбусы, асфальт, людей много. Когда мы в первый раз поехали, а в деревне привычка со всеми здороваться. Когда мы дети были, вот любой взрослый человек, идущий тебе навстречу, — ты с ним здоровался, и он с тобой. Когда мы поехали в город, мне мама моя сказала: «Толик, в городе здороваться не надо».

А. Я.: А в горы вы не ездили, там же рядом Алтай, в двух шагах?

А. К.: В том-то и дело, что я совершенно неспособный к путешествиям. Я жил в городе Барнауле, мой одноклассник был тренером по борьбе, с ребятами они ездили на Телецкое озеро. Как они меня ни звали, я туда не... Я ни разу в горах-то и не был.

А. Я.: Понятно.

А. К.: Я вообще очень неподвижный человек. Вот сейчас живу в Москве, летом в Тарусе — всё, больше у меня не хватает сил. Мне почему-то так хорошо.

Служба в армии

А. Я.: А как обучение в художественной школе происходило, какие там были...?

А. К.: В училище?

А. Я.: В училище, да.

А. К.: Ну, в училище это четыре года обучения. Я еще после первого курса попал в армию, то есть меня забрали в армию.

А. Я.: А куда?

А. К.: В армии я служил под Ижевском, в лесах Удмуртии. В стройбат я попал, валил лес на лесоповале. Когда меня забирали в армию в Пензе, предложили остаться при штабе. Я спросил: «Что я буду делать при штабе?» Они сказали: «Объявления писать». Я терпеть не могу писать объявления, писать буквы, в школе заставляли, поэтому я сказал: «Я не хочу, давайте меня, куда всех». Ну и отправили меня в стройбат.

Приехали, привезли в часть, это в лесу. Меня замполит, по-моему, не помню, да, вызвал. Он спросил, хочу ли я остаться при штабе, в части. Я сказал: «Что я буду делать?» — «Будешь объявления писать». Я сказал: «Нет, не хочу, отправляйте вместе со всеми». Дали мне в руки топор. Я был сучкорубом, чокеровщиком. Там много было всякой работы. Вообще, лесоповал — дело очень тяжелое. Ну и кончилось это все травмой руки, несчастным случаем. Меня комиссовали после многих месяцев госпиталя. А сейчас, по прошествии времени, меня это печальное нелюбимое занятие писать тексты... Вот мы расписывали храм в Тарусе, мне пришлось писать все тексты. И сейчас я в камне пишу. В общем, не смог я избежать этой участи, приходится, хотя я не изучал, не занимался специально никакими шрифтами. Вот как интуиция подсказывает, так я и пишу, и в камне буквы, и...

Анатолий Комелин

О переломных моментах в творчестве

А. Я.: А в художественном училище скульптура была вообще?

А. К.: Да, я на отделении скульптуры учился, и физкультура там была. Я там играл в волейбол за сборную нашего училища. Мы даже заняли первое место, это до армии. Потом, когда я пришел уже с искаленной рукой, меня тот же педагог по физкультуре все равно звал в команду, но я уже тогда стал выпивать, курить, и со спортом было покончено, тем более с такой рукой очень неудобно играть в волейбол.

А. Я.: А вы какие-то скульптуры делали в Барнауле вообще, что-то там для души, я не знаю, просто...

А. К.: Нет, после окончания училища меня распределили, отправили по месту жительства, я уже был прописан в Барнауле. Я там преподавал четыре с половиной года в детской художественной школе.

А. Я.: В Барнауле?

А. К.: Да, в Барнауле. Там же я и лепил в перерывах, не в перерывах, а в течение недели два дня у меня были свободные, и в выходные я все время проводил. У меня был свой класс, была глина. Когда не было занятий, я лепил там, портреты лепил, начинал так. Но когда я потом переезжал в Москву, я все это уничтожил. Вот отнес на помойку, всё разбил, думал: надо начинать новую жизнь.

А. Я.: А большая получилась гора?

А. К.: Гора была небольшая, гора гипсовых обломков, нет, небольшая. В принципе, как мне кажется, я серьезно начал работать после пятидесяти. До этого, мне кажется, была другая немножко творческая жизнь по причине, что в пятьдесят лет у меня случился инфаркт, то бишь два инфаркта сразу, потом операция на сердце, и я немножко изменился. Теперь мне не хватает времени на творчество, а до пятидесяти хватало. Я в основном на рыбалке летом сидел, ловил рыбу с утра до вечера. Когда ловишь рыбу, то уже ни на что сил не хватает, была такая страсть, безумная.

А. Я.: Я тоже люблю, да.

А. К.: Нет, сейчас я категорически против этих всех рыболовов стал, и лодка тем более. Лодка у меня лежала три-четыре года на берегу, даже просили кто-то продать, я уже не ловил. Я думал: продавать не буду, жду, когда украдут. И ее, действительно, украли, к моей большой радости, что я не занялся, бизнес-проект у меня не получился.

Анатолий Комелин. Автопортрет

Пензенское художественное училище

А. Я.: А после вы же поступили в училище Пензенское, не институт.

А. К.: Нет, в училище. Там четыре года плюс армия, значит, у меня получилось пять лет. В институт я не поступил, поставили двойку мне, по-моему, по композиции...

А. Я.: А в какой институт?

А. К.: В Суриковский.

А. Я.: В Москве?

А. К.: Да, в Москве. У меня было направление от училища. Не поступил. Ну, в общем, я не жалею. Второй раз я поступал в Строгановку, но я опоздал по времени. Я приехал — уже закончился прием документов. И тоже не жалею. Процесс художника — это дело практики все-таки, самое главное.

А. Я.: Как вы в Пензу-то попали, собственно, из Барнаула?

А. К.: А, из Барнаула? Дело в том, что мой педагог, руководитель изостудии сказал, что «езжай-ка ты в Пензу, там у меня два моих ученика учатся, отличники». И другого варианта у меня не было. А Пенза всегда славилась, Пензенское училище, как одно из лучших училищ. Наверное, так и было. Тем более, что специально здание было построено как училище. Я был в Саратове однажды, там просто здание, отданное под училище, но не приспособлено. А у нас все-таки были и мастерские большие, то есть в три этажа. В Пензе на третьем этаже была картинная галерея, а два нижних этажа — под учебные аудитории.

А история Пензенского училища, история становления: значит, был крупный полицейский чин, по-моему, Селивёрстов его фамилия, большой любитель искусства и меценат. Он в завещании определенную сумму отложил, завещал, после его смерти на постройку именно художественного училища в Пензе. В общем, он был убит за границей. Вот откуда взялось наше училище, появилось, было построено. Первым его директором был Савицкий Константин Аполлонович. Училище построено в 1898 году, открыто то есть. Это старейшее училище.

А. Я.: Савицкий кем был?

А. К.: Савицкий Константин Аполлонович — живописец.

А. Я.: Ну да, он там первым ректором был?

А. К.: Да, первым директором. Если мне память не изменяет, «Утро в сосновом бору», медведи — это его. Шишкин — это пейзаж, а медведи — это Савицкий.

А. Я.: А он медведей писал?

А. К.: Да, это его идея, Савицкого.

А. Я.: Да-да-да, точно.

А. К.: Да. Там преподавал Горюшкин-Сорокопудов. Там учился Татлин. Вылетело из головы... И год учился там известный... Я не могу вспомнить, память плохая.

А. Я.: Так в училище вы четыре года, да, получается?

А. К.: Да.

Воспоминания о Пензе

А. Я.: А вы можете описать, какая там жизнь была, в училище и вообще в городе, вокруг училища, художники?

А. К.: Да. Пенза — это очень красивый город, зеленый. Это центр старой Пензы. Она на холмах, город на холме высоком. Улица Московская — самая главная. Она прямо от училища шла вниз, заканчивалась вокзальной площадью, вся в зелени. Я хорошо помню старую часть, потому что училище в старой части города. Новая — там уже внизу, на равнине, я там редко и бывал. Вот мы там все время. Значит там названия у нас — я жил за Архиерейским садом так называемым, место называлось Архиерейский сад; Вшивая горка, где баня была, это на горе; а внизу Козье болото называлось, это другая баня. Там были пивные. Вот у нас маршрут пролегал — пиво попить на Козьем болоте или на Вшивой горке. Бани, там рынок был небольшой.

А. Я.: А пивная как выглядела?

А. К.: Пивная, в основном это при банях были пивные. Столики стояли, пиво разбавленное. Ну, пензенское пиво тоже как-то считалось неплохим. С выпивкой было... Ну, студенты, мы были большие любители, не все, конечно. Были студенты, которые приходили с портфелем в руках, в пиджаке, в галстуке, но это единицы. В основном полуоборванные, по-разному. Общежития не было, жили все на квартирах, снимали. Вот была сложность, где прожить, где как бы закрепиться. И по два, по три человека были, хозяйка сдавали.

А. Я.: Это были деревянные дома, избы?

А. К.: Да, деревянные. Это были частные дома, люди сдавали часть своих помещений. Вот последнее мое пристанище — это было полуподвальное помещение, сверху жили хозяйка, мы жили — раз, два, три — мы жили втроем последние два года. А предпоследний я жил у такого дедушки, Дмитрий Алексеевич, фамилии его я даже и не знал. Он окончил наше училище до революции еще, Пензенское, по классу живописи. Художником он не стал. Он преподавал начертательную геометрию в политехе. Но знал вот всякие, рассказывал, как после революции все гипсовые слепки были выброшены, все рисовали табуретку, привязанную к люстре. Потом этих всех прогнали, таких педагогов, опять стали рисовать гипсы, завезли опять старое.

А. Я.: То есть речь про табуретку — это специально было, ну как бы...

А. К.: Это вот времена...

А. Я.: На волне ВХУТЕМАСа, да? На волне нового искусства.

А. К.: Да, нового искусства, да.

А. Я.: Гипсы не нужны, нужно вот рисовать...

А. К.: Рисовать табуретку, которую раскачивали на веревке.

А. Я.: Это очень интересно. А еще что?

А. К.: Вот то, что он мне рассказывал, я помню, да. Потом все это вернулось. В те годы, значит, оставляли на второй год, не выгоняли за профнепригодность, и вот он мне, я запомнил фамилию — Краюшкин, который учился семнадцать лет в училище вместо четырех или пяти лет. Как говорил дед, он очень хорошо умел грунтовать и натягивать холсты. Насчет рисования он его никак не обозначил, научился он или нет, человек по фамилии Краюшкин. Вот такие были...

О процессе обучения в училище

А. Я.: А друзья какие были? Как вы проводили досуг?

А. К.: Друзья... Досуг мы весело проводили, очень даже весело, когда были деньги. Все время не хватало денег. Все время занимали, перезанимали друг у друга. В общем, все по-разному. Студенты были все разные, были большие любители... Ну, как-то мы успевали. Я успевал по своим заданиям каким-то, даже я успевал за бутылку портвейна Сашке Толокину лепить. Он всегда рядом со мной стоял. Допустим, какие-то постановки, он сам обращался. Мы ему за бутылку хереса начертательную геометрию делали. В общем, это было нормально.

А. Я.: То есть вы на скульптуре учились?

А. К.: Да, на скульптуре.

А. Я.: И вы из гипса делали? Какой процесс вообще обучения?

А. К.: Обучение там — композиция, лепка. В основном это было копирование. Вначале розетки копировали гипсовые, потом глаз, нос, ухо Давида, потом маски...

А. Я.: Вы лепили их?

А. К.: Лепили, да. Из глины делали копию, один в один старались. Потом шла гипсовая голова, в основном Венера Милосская, античные, греческие вещи. Потом живая модель — уже третий курс, портрет. Ну вот, в принципе, и всё.

А. Я.: А модель вы тоже лепили из глины?

А. К.: Лепили, да, обнаженную модель лепили, только не в натуральную величину, а, ну не знаю, сантиметров, до метра...

А. Я.: Это на последнем курсе?

А. К.: Да, последний четвертый курс.

А. Я.: То есть все из глины?

А. К.: Да, из глины, а композицию делали из пластилина, потому что ее не надо заворачивать, небольшого размера. Это уже потом в институтах они лепят и модель в натуральную величину и больше. Ну, там другие возможности. У нас была только ванна с глиной, которую нужно было размачивать, замачивать, это все закрывать, заматывать тряпками, целлофаном. Я потом, года три назад ездил в Пензу. Меня немножко как-то поразило училище, показалось мне такой провинцией. Глину уже я там почти не видел, композиции маленькие, как-то все уменьшилось. Вот такое ощущение.

А. Я.: То есть было более прогрессивно?

А. К.: У нас, да, было более живое состояние. Не знаю, пришел в некоторое уныние я сейчас. Вот так вот.

Работа в художественной школе в Барнауле

А. Я.: После Пензы вы поехали поступать в Суриковский, получается?

А. К.: Я сразу поехал, не поступил в Суриковский, потом снова поехал в Строгановку, опоздал со сдачей документов. И проработал четыре с половиной года в художественной школе с детьми, первый...

А. Я.: В Пензе?

А. К.: Нет, уже в Барнауле, улица Аванесова. Это было большое деревянное одноэтажное строение, старое еще. Сейчас они уже давно-давно переехали в центр города. По-моему, первый этаж обыкновенной пятиэтажки занимает школа. А у нас было все-таки отдельно стоящее строение, с отдельным садом запущенным. Школа. Первые два года я как-то увлеченно работал с детьми, потом понял, что это не мое. В общем, педагог из меня не получился, да я и не хотел уже. Потом несколько лет мне снились кошмары, что я снова в школу попадаю. Мы там, как полагалось в советское время, выпивали, закусывали. У нас там была компания из трех человек.

А. Я.: То есть они тоже преподавали?

А. К.: Да, из педагогов... В общем, немножко стыдно, потому что мы умудрялись выпивать даже во время занятий.

А. Я.: Ну, как у Куприна, да, в общем.

А. К.: Во время занятий. Потом кто лаврушкой заедал, чтобы... Сейчас неловко смотреть на это, а тогда как-то было... Директор у нас был очень хороший. Он нам прощал это, ругал, наказывал, но прощал, покойный ныне, Иван Иванович, Самозванцев по фамилии. Потом он переехал в Подмосковье и как-то внезапно умер, не дожив семидесяти лет.

Переезд в Москву. Первая мастерская

А. Я.: А как вы вдруг решили в Москву переезжать?

А. К.: В Москву я попал — меня отправили на творческую дачу от барнаульского Союза художников. Ну и на даче я познакомился со своей уже второй женой, нынешней женой, Старженецкой Ириной, живописцем. Я развелся с первой женой и из Барнаула переехал сюда в 81-м году. Как она вспоминает, 31 января с рублем в кармане, потому что погода была нелетная, я в Барнауле за двое суток... В общем, остался без денег, рубль у меня был в кармане. И здесь я получил мастерскую, через год, вот здесь, в Москве уже...

А. Я.: Вот эту?

А. К.: Нет, другую. Первая мастерская была у меня в Варсонофьевском переулке, прямо в самом центре. Варсонофьевский переулок — это между Рождественкой, это рядом с МАРХИ, с Архитектурным институтом. Когда я получил эту мастерскую, по-моему, в этот же день пришел домой, включаю телевизор, идет «12 стульев», и там по книге было сказано: Остап Бендер отправился к Эллочке-людоедке по адресу Варсонофьевский, дом 8. Вот так вот.

А. Я.: Понятно. То есть это вторая уже мастерская?

А. К.: Это вторая, да. Здесь я с 92-го года.

А. Я.: А там было больше пространства?

А. К.: Нет, там был подвал, не совсем подвал, ну, уже глубокий, более заглубленный. Там меня все время канализация затапливала во время дождя, низкие потолки и площадь, конечно... Вот это у меня сейчас стометровая мастерская, я здесь с 92-го. Она у меня уже вся завалена моими работами. Я уже отчаялся когда-нибудь ее разобрать и навести порядок. У меня в каждом углу творится какая-то вот свалкообразная... Я работаю здесь только зимой, летом я работаю в Тарусе, в основном на улице, и занимаюсь каменной резьбой для храмов.

Анатолий Комелин. Вход Господень в Иерусалим

Интерес к христианскому искусству

Так получилось, что меня всегда привлекало это искусство. Как привлекало — было мне очень интересно христианское искусство в области скульптуры. Я где-то в конце 80-х начал робко что-то пробовать сам. А потом первая проверка, так сказать, моих способностей — это отец Геннадий Огрызков, покойный ныне, из Малого Вознесенья, сказал: «Толя, сделай нам на улицу в переулке на стену крест». Вот это и было мое первое такое начинание. И постепенно я понял, занимаясь этой работой, что я вообще ничего не умею, то, чему нас учили — это все... Я думаю, что то, что я стал сейчас заниматься как, ну, назовем это светским искусством, это все произошло от пластики, древнерусской пластики, от каменной, деревянной пластики, от этих рельефов. Я всему оттуда научился уже, построению, какой-то архитектонике. Там все это заложено, потому что это древнее искусство. Оно действительно очень сложное, глубокое и имеющее большой опыт. Этому надо учиться. И вот я считаю, что я произошел оттуда.

А. Я.: Вы говорите, что до пятидесяти лет у вас одно было понимание искусства и...

А. К.: Другое какое-то отношение было, казалось, что все впереди, а после инфарктов я понял, что все позади, нужно наверстывать, нужно спешить.

А. Я.: А какое искусство у вас было до пятидесяти лет вообще, в принципе?

А. К.: Ну, я даже не могу... У меня есть это все в книгах, в книгах все есть. Как вам, как бы это... Я не могу это обозначить. Я понял, что надо повернуться лицом к человеку.

А. Я.: Но вы занимались современным, можно сказать, что это современная же скульптура, да? Такая как бы вот...

А. К.: Да.

Рельефы работы Анатолия Комелина на стенах храма Вознесения Господня на Никитской. Москва, улица Большая Никитская, д. 18

Переход от мягких материалов к твердым

А. Я.: А вы делали такие вещи вот до пятидесяти лет в 80-е годы, в первой мастерской? Вот какое там было творчество? Чем вы занимались?

А. К.: Ну, во-первых, какое было творчество... Ну, в рамках соцреализма — я бы не сказал, но я был фигуративный художник. Лепил, лепил, потом я понял, что лепка — это не мое, потому что я не вижу конца, то есть это все мягкий материал. Перешел на твердый материал, который дисциплинирует, который не дает...

А. Я.: То есть на камень, да?

А. К.: Камень, дерево, да. Сейчас я от дерева отказался полностью, сейчас перешел вообще на несерьезные материалы, из пеноплекса...

А. Я.: А это давно вы перешли?

А. К.: Да перешел уже несколько лет, потому что камень тяжелый, мастерская завалена, а это легкий материал, несерьезный. Я считаю, что нечего мир засорять серьезными материалами, вечными. Пусть будет так. Мне интересен сам процесс, смогу я осилить тему или не смогу, а делать что-то фундаментальное — может быть, в этом есть фундаментальность. Я считаю, что художник должен быть автобиографичен. То есть сейчас так у меня повернулось. Я не смотрю, чем занимается мир, что делает. Смотрю внутрь, вглубь себя как бы.

А. Я.: А у вас были же крупные объекты, вот я вычитал: «Вертолет», 2008 год, «Края разрыва», «Асимметрия пейзажа»... Это крупные были вещи?

А. К.: Да, большие, да. Это была выставка «Вертолетная площадка». Да, я делал большие работы. А это из ДСП, это все из несерьезных — картон, ДСП, доски. То есть я перестал пользоваться стамесками по дереву. Мне жалко доску. Доска есть доска. Прибавил к ней вторую доску — вот уже что-то, третью — получается какая-то конструкция, а что-то вырезать внутри — нет.

В общем, я как-то счастливо разделил свое творчество. Вот церковное искусство — я там себе могу позволить фигуратив, там так и должно быть, чтобы это было евангельское прочтение. Там я обязан выкладываться, чтобы это было понятно, доходчиво, сюжет, какие-то детали делать. А в мастерской для себя — глупо сказать, — ну, не для церкви, я делаю. В принципе, у меня церковная тема переходит и в мою мастерскую, потому что «Воскрешение Лазаря», «Жены-мироносицы» — это темы мне знакомые, но я делаю их уже другим образом. Доски, камень по-другому, то есть напрямую не делаю, делаю очень условно, и чем более условно, тем это интереснее, не повторяясь.

А. Я.: Да. Вот выставка, на которой мы были только что, ваша последняя, в принципе, тоже религиозная, библейская, да?

А. К.: Да, да, тема изгнания из рая и чем это закончилось, но там основной мотив — это человек стал смертный. Не то что там

Адам и Ева, как изображают юношу и девушку в красивом окружении, а все-таки грех, первый грех и смертность человека. Мне это больше кажется важным в этой теме. Вот эта выставка у меня только что открылась. Я ее довольно долго делал, две зимы с ней бился, но опять же через себя, то есть через мое личное ощущение, немножко автобиографичная, я бы сказал. Автобиографичная, вот.

Комелин. Парный портрет. Камень. 2010

А конструктивные вещи формально интересны, но мне кажется, что они заканчиваются просто междометиями — «красиво», «выразительно». Но все-таки если повернуться опять же лицом к человеку, мне кажется, что это более глубокое. Ну, я сейчас нахожусь в таком состоянии, что дальше будет, я не знаю. Человек меняется, художник меняется. Для каждой темы я ищу свои материалы, свое решение обязательно. Мне это гораздо интереснее, чем, допустим, когда я начинал с лепкой из пластилина. У меня в бронзе несколько работ.

А. Я.: А в бронзе какие?

А. К.: В бронзе у меня небольшие вещи, отлитые, когда я лепил, просто небольшие фигурки, несколько. На этом моя лепка закончилась. Меня привлекает твердый материал, когда ты связан по рукам и ногам. То есть ты не можешь как-то кардинально менять свою работу. Вот у меня есть объем камня, допустим, такого размера, я не могу ничего прибавить в этом. Ограничения очень важны для художника, в этом есть его развитие, то есть в ограничениях. Когда нет ограничений, тогда и все расплывчато получается.

А. Я.: А на заказ вы делали скульптуры? В прошлые какие-то... Для города, для каких-то местностей?

А. К.: Нет, я только для церкви делаю, церковные, когда ко мне обращаются.

О мастерской и планах на будущее

А. Я.: Вам дали мастерскую, ее же так просто не дают, что-то они хотят взамен, думаю.

А. К.: Нет, нет, это арендная мастерская МОСХовская.

А. Я.: А!

А. К.: Да. Нам распределяют мастерские, пишешь заявление. С мастерскими, наверное, проблема, потому что сложно, наверное, получить мастерскую для молодого художника. А я арендный. Мы за них платим сами.

А. Я.: Прямо аренду настоящую?

А. К.: Да, мы оплачиваем. Ну, аренда у нас такая, как за жилплощадь.

А. Я.: То есть квартплата.

А. К.: Квартплата, да, получается. Вот за сто метров я плачу где-то около одиннадцати тысяч в месяц. Но художники, мы же зарплату не получаем, мы живем... Все время приходится за все платить... В общем, крутишься, как в анекдоте про милиционера, которому выдали форму, пистолет, а через месяц он за зарплатой не пришел. Спрашивают: «А почему ты за зарплатой не пришел?» Он говорит: «Ну, вот дали форму, пистолет, и я решил, что крутись как можешь, поэтому». Глупый анекдот, но, в принципе, художники так живут. Кто-то сдает квартиру, живет в мастерской — по-разному...

А. Я.: А какие планы вообще у вас на будущее? Может, есть какие-то глобальные планы? Новые техники какие-то разработать? Какие-то новые материалы использовать?

А. К.: Планов у меня на будущее особо никаких нет. Сейчас я делаю иконостас для строящегося храма, вот план — сделать хорошо иконостас. Это работа очень сложная, трудоемкая, требует массу времени, сил. В общем, для меня это самая сложная работа, потому что нужно сделать во что бы то ни стало. Поскольку у меня есть уже какой-то накопленный опыт, то я надеюсь, что я справлюсь.

Анатолий Комелин. Фрагмент иконостаса собора Петра и Павла в Тарусе

О специфике скульптуры и работе с разными материалами

А. Я.: А есть ли какая-то у вас все-таки философия скульптора, такая отдельная, ваша?

А. К.: Ну, какая философия скульптора? В принципе, это все...

А. Я.: Есть скульптор, а есть живописец, он картины пишет. Скульптор — все-таки более сложная у него история.

А. К.: У живописца более сложная?

А. Я.: Нет, у скульптора.

А. К.: У скульптора?

А. Я.: Потому что ему нужно пространство, какие-то вещи...

А. К.: Специфика, да, специфика скульптуры. Бывает, чтобы сделать какую-то работу, приходится искать материал нужного размера, упираться в это. Материала нет — приходится ждать, носить в себе эту идею, пока не найдешь. Бывает какой-то пустячок, а такой доски нет. Вот в этом есть сложности чисто материальной базы, доступности материала, по-разному. Иногда начинаешь завидовать живописцам, что вот холст, бери и пиши, действительно, тем более графикам — взял под мышку, в папку, и понес. А тут нужно переезжать, каждый раз грузить, разгружать — ну, свои сложности. С другой стороны, радует то, что я могу применять разные материалы. Это тоже спасает. Доски, ДСП, оргалит, утеплитель, проволока, сетка, тряпки — очень большой выбор материала.

А. Я.: Новые современные материалы используете.

А. К.: Да, да, использую, и тряпки, все что угодно, но это в зависимости от темы. Какая-то тема потребует одних материалов,

другая тема — других. Мне это как раз очень нравится, что я могу не останавливаться на чем-то, а делать эксперименты. Тем более каждая работа требует именно своего пластического материала. А философия вся очень простая — это пространство, ритм, пропорция. Вот эти три составляющие. Они очень важны. Это формальная сторона вопроса.

Анатолий Комелин в мастерской

О темах работ

Ну а какая идея приходит... Обычно я не придумываю ничего, сами собой идеи появляются, могут появиться внезапно, от какого-то пустяка. Ну, то есть чем заниматься — я сейчас пустой совершенно, пустая голова, выдохся на предыдущей выставке. А завтра что придет в голову, может быть, и буду делать.

А. Я.: Но в основном вокруг библейских мотивов, да, у вас происходит? Или у вас еще есть какие-то темы, которые вас очень интересуют?

А. К.: Вот у меня была в прошлый раз тема в связи с коронавирусом. Глядя в телевизор, где шел поиск виноватых, отчего это все появилось в мировом масштабе, у меня пришла идея в позапрошлом году. Внезапно я стал делать исторических персонажей, кто лишился головы в прямом смысле, в силу каких-то подводных политических течений, интриг. Это в основном французская революция — отсечение голов виноватых, невиноватых. Много голов полетело. Вот так родилась идея с потерей головы в связи с коронавирусом. Вот такое совмещение. И сейчас, ну, как бы это сказать... Происходит много несправедливости в мире.

А. Я.: Ну да, это всегда было.

А. К.: Всегда было, да.

А. Я.: Ну, обычное состояние во всех сообществах.

А. К.: Ну, не делать же рыбка с удочкой или еще что-то, не знаю... Это меня уже давно не интересует.

А. Я.: Но есть же космос, сейчас же какие-то экзопланеты открывают...

А. К.: Не знаю... А вот тема была, вот сзади у меня за спиной, я ее назвал «Пандемия гаджетов, или побег из Эдема». Когда человек совершенно... Я и сам сейчас иногда смотрю свой телефон, но только чтобы найти что-то нужное. Заходя в вагон метро, я не вижу лиц человеческих практически. Все сидят, мозги наружу у них, внешнее управление в руках держат, закрывают свои лица. Все сидят в телефонах, погрузившись. Вот я не вытерпел, сделал такие две фигуры, которые просто бегут, ну, не от самих себя... Так я это вижу. Я считаю, что это бедствие. Мобильный телефон — это хорошо просто для связи с человеком, для какой-то коммуникации, но не больше. Чтобы там сидеть, тыкать пальцем, не разгибаясь... И дети на детских площадках не играют.

А. Я.: Понятно. Спасибо.